

факти минулої дії й на її результаті, тоді як друга лише констатує, що, зважаючи на свої природні якості, денотат ніколи не здійснює (не здійснить) описувану у висловлюванні дію, причому жодним чином не йдеться про наявний чи потенційний результат такої дії.

Висновок. Функціональному полю аспектуальності, яке у свою чергу входить до складу більшого за обсягом об'єднання – функціонального (функціонально-семантичного) поля темпоральності, аспектуальності та модальності, властива категорія перфектності. У турецькій мові виділяється розряд (група) перфектних форм, основна з яких – абсентив-перфект. Семантична структура абсентив-перфекта поєднує два ключових концепти – “абсентивність” і “перфектність”. Перфектність, у свою чергу, може реалізуватися у вигляді низки окремих концептів: а) акціональний перфект, який не є релевантною функціонально-семантичною категорією для турецької мови, хоча інколи й може набувати істотного семантичного навантаження в певній комунікативній ситуації. Засобами реалізації акціонального перфекта є абсентив-перфект і претерит, рідше низка інших минулих видо-часових форм, які постають одна відносно іншої як корелятивні; б) статальний перфект, який може реалізуватися лише за посередництвом абсентив-перфекта, при цьому істотну роль в реалізації статально-перфектної семантики відіграє семантична характеристика слова, яке є вербальним центром висловлювання. З погляду лексичної семантики дієслова дихотомічно поділяються на дієслова з семантикою активної дії та з семантикою стану. У семантичній структурі абсентив-перфекта з погляду його перфектного наповнення виділяється також інклюзивна семантика: дія, яка перманентно або регулярно відбувалася (або, навпаки, не відбувалася) в минулому і є, на думку мовця, характерною ознакою (станом), денотата й має певний стабільний результат, позначається за посередництвом абсентив-перфекта; ця постійна/регулярна дія постає як незавершена й така, що може відбутися й у теперішньому відтинку часу, і в майбутньому й мати такі само наслідки.

Серед найближчих перспектив – дослідження проблем інваріантності-варіативності в межах функціонального поля аспектуальності, категорії таксису, темпорального, аспектуального та модального наповнення турецьких дієприслівників та дієприкметників, вивчення специфіки функціонального поля аспектуальності, зокрема дослідження проблеми категорії способу.

Джерела та література

1. Айляров Ш.С. Учебник турецкого языка. – М., 1954.
2. Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка // Избранные сочинения. – Т II. – М., 1961.
3. Дмитриев Н.К. К вопросу о значении османской глагольной формы на мыш // Строй тюркских языков. – М., 1962.
4. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л., 1956.
5. Кононов А.Н. Турецкая глагольная форма на -мыш // Учёные записки ЛГУ. Серия филологических наук. – 1939. – № 20. – Вып. 1.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
7. Любимов К.М. Семь значений турецкой словоформы *uzunmuş* // Советская тюркология. – 1986. – № 4.
8. Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. – М., 2002.
9. Сорокин С.В. Турецкий презенс у функциональном аспекте // Проблемы семантики слова, речення, тексту. – 2003. – № 9.
10. Сорокин С.В. Турецкий аорист у функциональном аспекте // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія “Східні мови та літератури” – 2003. – Вип. 8.
11. Bağcılar Belediye Başkanı Av. Feyzullah Kıyıklık'ın Konuşması // T.C. Bağcılar Belediyesi 12. İstişare Kurul Toplantısı. – İstanbul, 2001.
12. Bolat Ü. Cınnet. – İstanbul, 1998.
13. DYP Bağcılar İlçe Başkanı İbrahim Tok'un Konuşması // T.C. Bağcılar Belediyesi 12. İstişare Kurul Toplantısı. – İstanbul, 2001.
14. Ediskun H. Türk Dilbilgisi. – İstanbul, 1985.
15. Efe S. Ölmek Yasak. – İstanbul, 1998.
16. Ergin M. Türk Dilbilgisi. – İstanbul, 1993.
17. F.P. Bağcılar İlçe Başkanı Mehmet Cihan'ın Konuşması // T.C. Bağcılar Belediyesi 12. İstişare Kurul Toplantısı. – İstanbul, 2001.
18. Gencan T.N. Dilbilgisi. – Ankara, 2001.
19. Koç N. Yeni Dilbilgisi. – İstanbul, 2001.
20. Mansuroğlu M. Türkçe'de -miş Ekinin Fonksiyonları // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Fuad Köprülü Armağanı. – İstanbul, 1953.
21. Nesin A. Ben Hayatta Daima // Nesin A. Bütün eserleri. – İstanbul, 1998.
22. Sorokin S.V. Türkçe'de İşlevsel Dilbilgisi Araştırmaları // Ылдыз. – 2003. – № 3.

Эфендиев А.Ш.

О СФЕРАХ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

The article analyses conversational language as an unusual phenomena, with different stiles, dialects and other elements.

Мы говорим, как пишем?
Мы говорим, как все говорят?
Мы говорим, как дышим?
Или как все вместе взятое?

Разговорный язык как проблема сравнительно недавно стал интересовать многих исследователей и, прежде всего, самих носителей языка. Французские лингвисты Ф. де Соссюр, Шарль Балли, Альберт Доза, Орельен Соважо, Рене Жоржен, Пьер Гиро, Жорж Гугенейм, Гранжуан, Робер Бове и др. считают, что язык, являясь «живой материей», должен рассматриваться сугубо в плане синхронии и одновременно в противопоставлении его письменному. По отношению к последнему существуют точки зрения о различных языках или вариантах в системе единого языка.

А.А. Фефелов подчеркивает, например, что определенные расхождения между разговорным и книжным вариантом не дают достаточных оснований говорить об образовании двух разных языков [1, с. 22, 25]. Особые трудности возникают при систематизировании дивергентных признаков разговорного языка вследствие того, что нет ни учебников, ни грамматики разговорного варианта. Именно поэтому А. Фрей приходит к выводу о невозможности создания единой грамматики для языка в целом [2]. Нельзя не учитывать и того факта, что эти «варианты» взаимопроникаемы. Как справедливо пишет Н.Ю. Шведова, далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной [3, с. 3].

При определении статуса «чистого» французского разговорного языка была предложена следующая формулировка: «Настоящий разговорный язык представляет собой спонтанную речь, не имеющую внутренней опоры на письменную. В строгом понимании данной трактовки такая речь может встретиться у детей, не умеющих читать, или у необразованных людей. У очень образованных людей разговорная речь – это фоническая «реализация письменного языка» (О. Соважо) [4, с. 109]. Тогда возникает вопрос: какое определение разговорному французскому языку следует дать по отношению к остальной части людей, не очень образованных, но которые читают и пользуются всеми средствами массовой информации?

Бытуют мнения, что разговорный язык пользуется большими «свободами», нежели письменный, который ограничен-де рамками литературной нормы. Нам близко мнение Н.Ю. Шведовой, которая считает, что эта свобода оказывается в значительной степени мнимой и распространенное мнение о свободе разговорной речи, «о недостаточной оформленности» ее конструкций держится только благодаря слабой изученности огромного массива соответствующих материалов. Более того, самого пристального внимания заслуживает мысль о том, что письменная речь свободнее в выборе языковых средств, чем речь «говоримая» [3, с. 21].

Приведенные выше точки зрения говорят о сложности данного вопроса. С одной стороны, разговорный язык индивидуален, т.е., по образному выражению, мы говорим, как дышим. С другой, – он несет на себе отпечаток многих факторов, играющих функциональную роль. Используя формулу Ф. де Соссюра «язык–речь», можно сказать, что для носителей языка первичной является Речь, для изучающих иностранный язык, наоборот, – Язык. Следовательно, последним следует пройти те же этапы усвоения речи, какие были пройдены носителями языка чуть ли не с самого детства. Другими словами, методологически можно разбить этот сложный процесс на три первичных этапа:

- 1) ассимиляцию междометий в различных разговорных ситуациях;
- 2) усвоение редупликативных конструкций;
- 3) изучение простейших разговорных форм.

Важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что разговорный язык имеет общие черты, которые нужно рассматривать не в общем плане разговорного языка, а с учетом функциональных стилей, возрастных групп и полов. Функциональные стили должны, в свою очередь, ограничиваться узусом, так как, по словам Р.А. Будагова, «предела дроблению сфер общения людей почти не существует. Поэтому и нет предела дроблению речевых стилей. Их может быть великое множество» [5, с. 71].

Почему же, с точки зрения методики, изучение иностранного языка нужно начинать с междометий? Видимо, потому, что по своей интенсивности и узусу они намного превосходят любые повторы, речевые конструкции (исключая слова-паразиты). В разговорной речи существуют типы построений, где важное место занимают междометия (междометные слова или предложения). В совокупности с интонацией они могут предвосхитить определенный семантический процент последующего высказывания.

Эти явления присущи всем языкам. В данной статье взяты в качестве моделей французские примеры. При сравнении с русским некоторые междометия французского языка имеют относительно схожую звуковую основу, например: *Devant le même séjour désenchanté, Avec des ouf, Bon, Ah, Eh oui, C'est la vie, Hein, Hum, Oh c'est comme ça.*

Однако большая часть междометий по своей фонетической структуре намного отличается от русских: *vlant! (бац!), pouch! (фу), burg! (бп!) и т.п.*

Небезынтересными являются междометия-окрики типа: *minou, minou, minou (кис-кис-кис), p(e)tit, p(e)tit (цып-цып-цып), hue! (но!), hola! (мппу!) и т.д.*

Редупликативные формы – явление, довольно распространенное в разговорном французском языке. Многие исследователи (К. Нюроп, А. Доза, Фр. Кохер, Н.М. Штейнберг и др.) считают, что большинство образований этого рода являются «детскими словами», либо носят звукоподражательный характер. Во всяком случае, по их мнению, они генетически связаны с одним из двух источников. Г. Зухир, описывая особенности южноафриканского варианта, отмечает высокую частотность редупликативных слов и также относит их к детской речи: *bibi (biche), chouchou (choux), dada (cheval), dodo (dormir), fifi (fils), gaga (gâteux), gogo (gober ou gosier), jojo (joli), joujou (jouet), lolo (lait), mimi (mignon), nanan, nounou (nourrice), tata, titi (petit), toto, toutou, tutu (cul)* [6, с. 834].

По этой модели, пишет К.А. Долинин, просторечие, фамильярная речь и арго создают свои собственные выражения: *gaga (gâteux), gnangnan (nonchalant), le jaja (vin), mollo-mollo (doucement), le gogo (personne crédule), à goge (tant qu'on veut), cracra (crasseux)* [7, с. 217].

В зависимости от контекста редупликативное слово может иметь различные значения. Например, слово *mimi* в словаре Робера [8]

1. chat;
2. baiser, caresse. *Fais un gros mimi à ta grand-mère.*
3. mignon. *Qu'a donc le mimi? On est triste?*

Относительно большое количество слов, построенных по принципу редупликации, по мнению Э.М. Береговской, присутствует в арго: *rififi (bagarre), tortore (nourriture); tintin (trop tard), dare-dare (vite), kif-kif (comme si), soussoua (joli)* [9, с. 40].

Однако в вышеприведенных примерах трудно провести границу между арго и просторечием. Массу нюансов могут носить редупликативные конструкции, обыгранные синтаксически: *Elle est bête (Глупенькая она); Elle est bête, bête (Ну и дура же она!); C'est pour bibi? (Это для меня?); J'ai peur du pistolet parce que je sais que ça peut me faire bobo (Я боюсь пистолета, так как он может причинить мне боль); J'en suis baba! (Я изумлен).*

Таким образом, редупликативные конструкции встречаются как в детской речи, так и в речи взрослых людей в различных функциональных стилях.

Изучение простейших разговорных форм следует, на наш взгляд, разделить на особенности морфологические и лексико-синтаксические. В плане морфологии необходимо выделить те суффиксы, которые узуальны в современном французском языке.

Увеличительные **-aud, -ard**: *costaud, rougeaud, gaillarg*. Многократные (итеративные) **-ille, -aille, -ouille**: *clille (client); marmaille, papouilles (caresses)*. Уменьшительные **-on, -ot, -et**: *fil – fiston, balle – ballot, pip – pipelet*. Суффиксы **-able, -ible**, прибавляемые к глагольной основе: *Elle n'est pas sortable. Tu n'es pas montrable. Ce n'est pas mangeable. Ce n'est pas lisible.*

Разговорный французский язык располагает некоторыми заимствованными у диалектов суффиксами. Из провансальского в общенациональный пришел суффикс **-eza, -aise, -asso, -aïsse**, выражающий в основном pejorативные оттенки: *fada – fadasse; bête – bêtas; jaune – jaunasse*. Из пикардийского диалекта – суффикс **-oche**: *valise – valoche; sac – sacoche; tête – caboche; talé – taloche*.

Определенные аналоги порождают определенные суффиксы, которые непривычны для общенационального французского языка и тем самым предоставляют новые приемы в словообразовательном механизме. Суффиксы **-rie, -aga, -ale, -flard, -ton, -lingue, -lot, -caille** и др. нуждаются в подобном анализе. Общий вывод сводится к тому, что большинство их вносит в значение слов разговорного французского языка отрицательные коннотации.

Общеизвестно, что синтаксис разговорного языка значительно отличается от синтаксиса письменного, прежде всего, порядком слов, системой повторов, вводных слов и конструкций и т.п. Даже узус вспомогательных глаголов имеет большое значение. Очень интересны наблюдения А.Ф. Фефелова, который считает, что в книжном варианте вспомогательный глагол *avoir* имеет 39 форм, а *être* – 38. В разговорном варианте эти глаголы имеют по 17 форм. Тенденция к своеобразному упрощению в разговорном языке проявляется прежде всего в грамматических построениях. С помощью этих построений образованы следующие наречия: *d'emblée, d'instinct, d'arrache-pied, à force*.

Предлоги узуальны в эмфатических предложениях перед инфинитивом: *D'avoir volé je n'ai jamais volé*; в предложениях, где подлежащее – инфинитив: *De t'avoir parlé me fait du bien*; в предложениях с повествовательным инфинитивом: *Et chacun de tirer, le matin, la canaille (La Fontaine)*.

Предлог *de* может являться субститутом *qui est (qui sent)* перед прилагательным или причастием, например, в следующих конструкциях: *Il y en a trois de blessés (qui sont blessés). J'ai quelques jours de libres. Nous n'avions pas un mot de changé.*

Предлог *à* в функции принадлежности употреблен только по отношению к лицам: *La cravate à Jacques; les pieds à Madame.*

Узуален предлог *de* в следующих галлицизмах: *Si j'étais de vous. Il ne fait que de sortir.*

Существует целый пласт фразеологизмов, где предлоги играют роль связующих элементов. Гугенейм приводит приемы с застывшими предложными конструкциями из разговорного французского языка: *tout va de guingois; naviguer de conserve; par mégarde; pour ma gouverne* [10, с. 19]. Характерными для разговорного французского языка являются эмфатические конструкции типа *c'est...que*: *C'est un crime que d'agir ainsi. C'est que tu es borné. C'est que tu n'y piges rien*. Наречие + *que* в начале предложения: *Bêtement qu'on s'est connu. Et comment que tu me réponds*. Наречие, выступающее иногда в функции предлога: *Il a été blessé*

aussitôt la retraite. Il est tombé en-bas les escaliers. Regarde voir en haut le rayon [11, с. 59].

К разговорной форме можно отнести следующие конструкции; включающие причастия-неологизмы: *Je suit véhiculé. Il est relationné. La bière est bien chambrée. Il est bu (il est ivre)*.

Антиципация является, пожалуй, одной из самых значительных особенностей разговорного французского языка: *Par contre grande serait la bêtise si on accepte votre proposition. Stupide il a été et il restera. Ridicule, il l'est bien*.

Лексические единицы, будучи самыми подвижными элементами языка, должны рассматриваться интенсивно на всех уровнях речи и языка. Лексика – понятийный аппарат всех функциональных стилей. Охватить все области человеческой деятельности невозможно, поэтому следует ограничиться узусом разговорных форм. Например, по мнению французских лингвистов, самым распространенным словом является *problème*. В самом деле, когда что-то ломается, не ладится, не клеится или просто плохое настроение, как *tic verbal* появляется это слово. Сразу нужно оговориться, что слово как лексическая единица рассматривается в речи не столько изолированно, сколько во всевозможных соединениях, фразеологических конструкциях, устойчивых свободных сочетаниях и т.п. Так, слово *coup* во французско-русском фразеологическом словаре (под ред. Я.И. Рецкера) имеет 271 сочетание и ясно показывает широту его употребления. Узус данного слова порождает новые сочетания: *coup d'âge; coup de pourquoi; Tu l'as vu tirer son coup, non? (А ты его видел в деле?)* (арго). Названия частей тела и их сочетания в указанном словаре имеют следующие количественные характеристики: *main* – 266, *tête* – 206, *oeil* – 188, *pied* – 171, *nez* – 87. Однако можно предположить, что в разговорном французском языке эти показатели намного ниже, а узус отработанных обществом разговорных (фразеологических) сочетаний намного выше. Методика преподавания разговорного французского языка предполагает изучение наиболее узуальных форм и конструкций.

Источники и литература

1. Фефелов А.Ф. К типологической характеристике разговорного и книжного вариантов современного французского языка: Автореф. дис. ... к. филол. н. – М., 1978.
2. Frei H. Grammaire des fautes. – Paris, 1929.
3. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.
4. Sauvageot A. Analyse du français parlé. – Paris, 1972.
5. Будагов Р.А. Литературные языки и литературные стили. – М.: Высшая школа, 1967.
6. Suchier H. Die französische und prvenzalische Sprache und ihre Mundarten. – Strassbourg, 1906.
7. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978.
8. Petit Robert. – Paris, 1981.
9. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. – Смоленск, 1975.
10. Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. Т. III. – Paris, 1975.
11. Guiraud P. Le français parlé. – Paris, 1965.

Масликова О.С.

СТРУКТУРНО-ГРАМАТИЧНА ТА СЛОВОВІРНА ХАРАКТЕРИСТИКА ФІЛОЛОГІЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ М.С. ГРУШЕВСЬКОГО

Філологічних термінів у творах М.Грушевського зафіксовано нами понад дві з половиною тисячі. З погляду структурно-граматичного ці терміни у порівнянні з відповідною сучасною українською термінологією мають ряд особливостей, які, на нашу думку, викликані як загальними тенденціями термінотворчості в українській літературній мові кінця ХІХ – початку ХХ століття [1], так і особливостями індивідуального стилю вченого. Порівняння термінів М. Грушевського з відповідними термінами, вживаними в сучасній українській мові [2], показує, що в них тодішні загальноукраїнські тенденції формування та функціонування філологічних термінів виявляються в ряді моментів. Так, у термінології М. Грушевського значно більше (майже на третину) багатослівних термінів, ніж їх є в сучасній термінології. Найчастіше це пояснюється неусталеністю термінології, існуванням кількох лексичних (термінологічних) паралелізмів, які виступали елементом багатослівних термінів. Наприклад, поряд із існуючими нині термінами *агіографія, житійна література* [3: 16], М. Грушевський вживає ще *агіографічна література* [4: VI к2, 194], *агіографічні писання* (II, 88), *агіографічні утвори* [5: ІУ-Р, I, 402].

Серед багатослівних термінів у творах М. Грушевського переважають двослівні прикметниково-іменникові або іменниково-прикметникові утворення. У такому двослівному терміні іменник (часто і прикметник) є словом “термінологічного походження”, а самі двослівні терміни є назвами різновидів тих літературних понять, які представлені в двослівному утворенні іменником. Найчастіше тут бувають назви різновидів художніх чи фольклорних творів. Наприклад, на основі терміна *пісня* у творах М. Грушевського зареєстровано нами понад 70 двослівних термінів: [6: 163 – 166] *пісня вояцька, пісня весняна, пісня героїчна, пісня гумористична, пісня дружинна, пісня духовна, пісня епічна, пісня жалісна, пісня забавна, пісня іронічна, пісня історична, пісня культова, пісня мирська, пісня обрядова, пісня косарська, пісня обжинкова, пісня гребецька, пісня історична, пісня народна, пісня лірична, пісня весільна, пісня релігійна, пісня світська, пісня сянїцька, пісня усна, пісня хороводна, пісня християнізована, пісня християнська, пісня це-*